

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

В связи со значительными изменениями в практике применения международного гуманитарного права (МГП) участниками вооруженных конфликтов, а также в свете пятидесятилетия Женевских конвенций от 12 августа 1949 года о защите жертв войны особый интерес представляет анализ вопроса применимости основных норм и институтов МГП к фактическим условиям современных конфликтов. Данное исследование — попытка совместить юридический и социологический анализ МГП; определить пределы его применимости, обусловленные социальными, культурными, религиозными, политическими и иными особенностями государств-участников конфликта. В центре исследования — основные договоры “женевского” права и отдельные их нормы, имеющие обычно-правовой характер.

Международное договорное гуманитарное право, вероятно, наиболее тесно связано с правовыми системами романо-германской правовой семьи. Современное международное гуманитарное право — право ученых, идеальная правовая система. Большинство юристов-международников стран Запада (в первую очередь представителей романо-германской правовой семьи)¹ рассматривает МГП и, особенно, международное право прав человека как модель разумной социальной организации. Оно теснейшим образом связано с цивилизацией Запада (хотя современное право войны и мира не есть исключительно западный продукт), западной правовой культурой, уважением права и пониманием его значения для обеспечения правопорядка в международных отношениях. В итоге, международное гуманитарное право и международное право прав человека зачастую становятся формой и механизмом внешней политики стран Запада. При этом МГП в целом свойственна не критическая вера в право как ключевой инструмент преобразования общества и регулирования межгосударственных отношений, и, напротив, ему присущи недоверие к чувству ответственности и недооценка нравственного самосознания людей. Более того, с созданием международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде усилилась репрессивная роль норм международного гуманитарного права, которая на практике не сбалансирована адаптацией основных понятий, институтов и норм МГП к новым типам конфликтов и подходам к ним всех основных правовых и гуманистических традиций мира. Так, следование кодексу чести воина, носящему характер обычая или основанному на нравственных, зачастую религиозных представлениях о должном поведении, может сделать многие нормы МГП неуместными и неадекватными реалиям войны.

Кроме того, в нормах международного гуманитарного права ярко проявляется швейцарский юридический национализм. Эта отрасль международного права буквально пронизана национальным колоритом альпийской республики. Гений швейцарцев проявился в том, что к существующим со времен сотворения мира правилам ведения войны,² будь то публичной или частной, и присущим им ограничениям жесто-

костей, они пристегнули “гуманитарную бюрократию” в виде Международного Комитета Красного Креста (МККК). С ее помощью теперь они претендуют на авторство идеи и приоритет в ее развитии. Многие швейцарцы относятся к международному гуманитарному праву, ставшему частью национальной идеи Швейцарии, как к “интеллектуальной собственности” нации и тщательно оберегают ее от “противоправных” посягательств извне. Этот феномен частично объясняет присущий МГП дуализм: его во многом искусственное разделение на “женевское” и “гаагское” право.

Юристы-международники, пытающиеся разграничить раз и навсегда международное договорное гуманитарное право и мораль, нашли предмет изнуряющего разум и бесконечного труда. К тому же, ими зачастую упускается из вида тот факт, что разграничение права и морали одновременно и аморально и противоправно применительно к самому МГП, ведь его истоки не в умозрительных конструкциях, а в гуманизме и нравственности.

Опыт показывает, что участники международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца в практической гуманитарной деятельности руководствуются, помимо семи общих принципов Движения, еще и собственными религиозно-этическими представлениями. Международное гуманитарное право устанавливает лишь минимальный и усредненный этический стандарт поведения участников вооруженных конфликтов. Этику Красного Креста и Красного Полумесяца нельзя назвать ни универсальной, ни светской, ни нейтральной по отношению к религии. Так, этика МККК и Красного Креста Швейцарии — это своеобразный сплав протестантской этики кальвинизма и либерально-демократических воззрений значительной части швейцарского общества. Этика национальных обществ Красного Креста латиноамериканских стран — в основном христианско-католическая этика милосердия. Этика обществ Красного Полумесяца арабских стран — мусульманская, которая вменяет в обязанность правоверному давать милостыню (садака) и уделять особое внимание гуманитарным потребностям “братьев по вере” в любой точке мира. Однако, единство краснокрестного движения подразумевает взаимодействие между людьми, которые придерживаются разных этических принципов, на нейтральном “межэтическом уровне”.³

МГП — светское право, которое, однако, лишь на первый взгляд не призвано регулировать вопросы ведения межконфессиональных конфликтов. Хотя международное гуманитарное право и было задумано как право, регулирующее войны христианской цивилизации Запада.⁴ Причем Россия внесла значительный вклад в разработку его нравственных основ. В этой связи достаточно обратиться к “оговорке Мартенса”, содержание которой с трудом укладывается в понятие правовой нормы.⁵ “Оговорка Мартенса” — это, скорее, заповедь, пожелание морального плана, в различных редакциях воспроизведенное в основополагающих договорах МГП. Она, по сути, очень близка к русскому культурно-историческому понятию, названному Л.Н. Толстым “дубиной народной войны”, которое весьма нелегко втиснуть в международно-правовые рамки.

При этом стороннему наблюдателю за процессом развития и осуществления международного договорного гуманитарного права оно,

вероятно, напоминает своего рода “светскую религию” со своим “символом веры” (принципами МГП) и духовенством (сотрудниками Международного Комитета Красного Креста), а также кодексом поведения “религиозного ордена”, включающим активный прозелитизм (распространение знаний о МГП) и жесткую внутреннюю дисциплину.⁶ В это право надо верить наивно и упрямо, а уверовав, соблюдать и применять его догматы (принципы и нормы).

В октябре 1998 г. Международный комитет Красного Креста начал широкую кампанию под названием “Люди о войне”, которая, по сути, является социологическим исследованием, опросом общественного мнения. Исследование МККК “Люди о войне” было проведено в двенадцати странах, охваченных различного рода конфликтами (Афганистане, Израиле, Боснии и Герцеговине, Камбодже, Колумбии, Сальвадоре, Грузии, Ливане, Сомали, Нигерии, ЮАР и на Филиппинах), а также в четырех государствах — постоянных членах Совета Безопасности ООН (России, Великобритании, США, Франции) и Швейцарии как государстве-депозитарии Женевских конвенций. 12860 респондентов ответили на пятьдесят вопросов по правовым, социальным, психологически проблемам, связанным с вооруженными конфликтами. Итоги исследования были представлены в Женеве в ноябре 1999 г. на XXVII Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца.

В Докладе подчеркивается, что, несмотря на приемлемость для значительного числа опрошенных нападений на гражданских лиц или использования санкций в целях ослабления противника, большинство людей не считает такую практику нормальной.⁷

Авторы доклада (специалисты Международного Комитета Красного Креста и американской исследовательской компании “Гринберг рисерч”), возможно, несколько преувеличили направленность современных войн против гражданского населения. В частности, в исследовании не в полной мере прослежена связь между увеличением числа жертв среди гражданского населения и активизацией его косвенного участия в военных действиях (как по собственной инициативе, так и в результате принуждения) путем оказания практического содействия одной из воюющих сторон.⁸ Ведь, по меткому замечанию жителя Боснии — одного из участников опроса, воевать можно и с ведром воды в руке.

Многие современные войны — религиозные войны. Религия и религиозная идеология не перестали быть первопричиной или одним из ключевых факторов возгорания вооруженных конфликтов. Исследование Международного Комитета Красного Креста “Люди о войне” ярко проиллюстрировало, что для большинства опрошенных в странах, участвующих в конфликтах, не международное гуманитарное право, а другие факторы и ценности составляют основу гуманного ведения войн. Так, 37% опрошенных заявили, что определенные действия “неправильны”, т.к. они противоречат религиозным верованиям, а 31% участников опроса связывает гуманное поведение на войне с личным кодексом чести участника конфликта.⁹ Ключевую роль религиозных мотивов гуманного поведения участников современных конфликтов косвенно подтверждает высокий процент опрошенных (более восьмидесяти), вы-

сказавшихся против практики разрушения религиозных, культурных и исторических объектов с целью ослабления противника.¹⁰

В Докладе справедливо отмечено, что неравенство воюющих или существенное различие их военных, экономических, технологических, политических и иных возможностей является одним из решающих факторов нарушения норм международного гуманитарного права слабейшим участником конфликта.¹¹ Ситуация бессилия перед подавляющим превосходством противника объективно способствует формированию концепций войны без правил, “тотальной” войны, не поддающейся какому-либо международно-правовому регулированию и включающей, помимо военного, террористический, финансовый, электронный, идеологический и иные компоненты.¹²

Исследование “Люди о войне” подтвердило некую культурно-политическую ущербность и односторонность международного гуманитарного права. Более половины (51%) опрошенных в двенадцати странах Азии, Африки и Латинской Америки, охваченных конфликтами, заявили, что вообще не знают о существовании Женевских конвенций. Вместе с тем, в “четверке” государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН не имеет понятия о Конвенциях только 31% участников опроса. Причем наихудший показатель в этой группе у России (43%).

Наиболее шокирующая информация, собранная в странах, участвующих в конфликтах, касается вопроса пыток. Так, лишь 62% респондентов согласилось, что военнопленных нельзя пытать с целью получения сведений о противнике, в то время как 31% допускает использование пыток в военных целях. В США этот показатель даже хуже (32% опрошенных).¹³

Установка западной правовой культуры на обязательное судебное преследование виновных в нарушении норм международного гуманитарного права (80% опрошенных) находит меньшую поддержку в развивающихся странах (59%). Причем из четырех государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН россияне наиболее скептически относятся к идее осуществления правосудия международным уголовным судом (лишь 21% поддерживает ее по сравнению с 51% опрошенных в Великобритании и 62% — во Франции).¹⁴

Швейцария в докладе об исследовании “Люди о войне” выступает по большинству позиций как страна-образец для подражания. Настораживает, однако, тот факт, что 20% опрошенных швейцарцев все же не имеет представления о Женевских конвенциях. Безусловное “лидерство” Швейцария удерживает по вопросам недопустимости нападений на гражданских лиц, запрещения противопехотных мин, судебного преследования нарушителей норм международного гуманитарного права, международной уголовной юрисдикции.¹⁵ Это и неудивительно, т.к. по историческим и политическим причинам на многих нормах международного гуманитарного права можно смело ставить ярлык “Swiss Made” — “Сделано в Швейцарии”.

Принято считать, что главной причиной систематического несоблюдения норм международного гуманитарного права является не его несовершенство, а отсутствие соответствующей политической воли элит

государств, участвующих в вооруженных конфликтах. Тезис весьма сомнительный. Военные и политические элиты в большинстве случаев законодательно запрещают нарушения МГП и даже создают “гуманитарные бюрократии” (национальные органы по осуществлению международного гуманитарного права). Однако, отдельно взятый солдат на поле боя руководствуется юридическими абстракциями чуть ли не в последнюю очередь. Мотивы его поведения, такие как отмеченные в докладе МККК “Люди о войне” ненависть и месть, игнорируются современным международным гуманитарным правом, т.к. практически не поддаются правовому регулированию. Более того, МГП предлагает относиться к национальным героям как к преступникам, стыдливо замалчивая право и воинский долг солдата вывести из строя своего противника, что зачастую возможно только ценой жертв среди гражданского населения и разрушения гражданских объектов.

Представляется, что осуществление МГП — это не только и не столько вопрос законодательной деятельности и принятия соответствующих правоприменительных мер. Важно, чтобы нормы этого права были приняты правосознанием возможно большего числа людей. Таким образом, недостаточно предписать соблюдение определенных правил поведения в ходе вооруженного конфликта. Необходимо включить их в неформальную культуру права; проследить за соответствием правовых норм основополагающим представлениям конкретного народа о должном и нравственном; обеспечить добровольное признание, уважение и доверие к этим нормам.

В этой связи целесообразно изучить вопрос адекватности норм МГП ситуации современных “деструктурированных” конфликтов или, если придерживаться общепринятой терминологии, конфликтов немеждународного характера, тесно связанных с дезинтеграцией структур государственной власти на части территории страны.

В отсутствии четких правовых критериев выделения деструктурированных конфликтов в отдельную категорию вооруженных конфликтов на Первом периодическом совещании по международному гуманитарному праву (Женева, январь 1998 г.) возобладало мнение о применимости к ним по аналогии норм общей статьи 3 Женевских конвенций 1949 г.¹⁶ Условия применимости Протокола II, включающие требование участия в военных действиях в качестве одной из сторон конфликта организованных вооруженных групп, “которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над ее (Высокой Договаривающейся Стороны) территорией, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол”, очевидно не позволяют распространить действие этих норм на ситуацию деструктурированных конфликтов.

Однако, как представляется, все рассуждения и утверждения о применимости отдельных норм МГП к ситуациям деструктурированных конфликтов сводятся на нет одной из важнейших их характеристик. В исследовании по данной теме, подготовленном специалистами МККК, очень верно подмечено, что в условиях хаотичных конфликтов практически невозможно провести основополагающее для всей системы норм

и институтов МГП различие между комбатантами и гражданскими лицами.¹⁷ Таким образом, данная юридическая конструкция оказывается искусственной, не соответствует реальным взаимоотношениям конфликтующих сторон. Следовательно, часть положений общей статьи 3 Женевских конвенций также, как правило, не применима к ситуациям деструктурированных конфликтов. Единственной гарантией человеческого обращения с покровительствуемыми лицами при всех обстоятельствах остаются общие правила гуманности (п. 1 общей статьи 3 Женевских конвенций и п. 1 статьи 4 Дополнительного протокола II).

Практика показывает, что основополагающие понятия международного гуманитарного права, такие как комбатанты, гражданские лица, жертвы конфликта, вступают в явное противоречие с социально-психологическим восприятием и делением всех участников вооруженного конфликта на “виновных” и “невинных”. Иными словами, в международном гуманитарном праве одна юридическая фикция — “комбатант”, цепляется за другую — “гражданское лицо” и приводит к абсурдному с точки зрения МГП, но вполне реальному понятию “вооруженного гражданского лица” (armed civilian). Во многом устаревшие понятия и нормы МГП в условиях гражданской войны, “войны ценностей” или современных конфликтов немеждународного характера косвенно способствуют идеологизации и легитимизации криминальной деятельности, т.к. их участники, совершая уголовно наказуемые деяния (убийства, грабежи, изнасилования), претендуют на статус комбатантов.¹⁸ В этом случае стирается грань между бандитизмом и военными действиями, между комбатантами и уголовниками, между комбатантами и активно помогающими им гражданскими лицами.

Статус многих участников современных конфликтов немеждународного характера (в Сомали, Сьерра-Леоне, ДРК, Афганистане, Чечне) очень близок к статусу наемников, поскольку они принимают участие в военных действиях, руководствуясь главным образом стремлением к наживе. Мотивы их поведения в корне противоречат принципам и нормам МГП. Следовательно, на них, как правило, не должен распространяться статус комбатантов и военнопленных.

В этой связи особое внимание необходимо уделить месту и значению внутригосударственного уголовного права для обеспечения правопорядка в условиях конфликта немеждународного характера с той целью, чтобы, в частности, точнее определить соотношение составов преступлений по уголовному праву и МГП. В подобной ситуации современное международное гуманитарное право не в состоянии защитить жертвы конфликта. Слабым утешением для них остается положение о неизменности статуса участников конфликта и требование к ним МГП соблюдать общие принципы гуманности. Причем, кодекс чести воина, этические принципы, которые всегда играли немаловажную роль в защите прав и интересов гражданских лиц, приобретают дополнительную значимость в условиях современных конфликтов немеждународного характера.

По понятным причинам в исследовании “Люди о войне” опущен теоретический вопрос о том, достаточно ли хорошо МГП “привязано” к основным институтам международного публичного права и системе

международных органов. В этой связи следует отметить, что одним из наиболее серьезных правовых оснований концепции “гуманитарного вмешательства” (нарушения суверенитета государства под предлогом защиты прав человека, демократических ценностей и предупреждения нарушений норм международного гуманитарного права) является общая статья 1 Женевских конвенций 1949 г. Она требует от государств не только соблюдать, но и “заставлять соблюдать” Женевские конвенции. Таким образом, общая статья 1 толкуется рядом государств и организаций Запада не как обязательство государств законными международно-правовыми и, где необходимо, политическими средствами способствовать всеобщему соблюдению норм Конвенций, а как некое коллективное право вмешиваться в дела суверенных государств, основанное на соображениях гуманности и коллективной ответственности перед жертвами конфликта.¹⁹ В этой связи следует отметить, что понятие “джихада” в определенной степени является исламским аналогом концепции “гуманитарного вмешательства” применительно к защите притесняемых “неверными” мусульман.

Вклад сотрудников Международного Комитета Красного Креста в развитие норм международного гуманитарного права трудно переоценить. Вместе с тем, представляется, что в свете состоявшегося “скачка” в разработке норм МГП и, главное, наметившегося “застоя” в их реализации эта отрасль международного права нуждается в своеобразной “секуляризации”, выведении из-под “культово-трепетной” опеки МККК. Такой шаг, однако, в связи с активным продвижением Западом новомодной концепции “гуманитарного вмешательства” не гарантирует того, что международное гуманитарное право избавится таким образом от формализма и излишней идеологической начинки.

Тем не менее, при правовой оценке многих институтов и норм МГП необходим скептический реализм. Войну нельзя свести к правоотношениям воюющих сторон по вопросу реализации норм МГП и подчинить ее идеологии защиты прав человека. Государства, представляющие все правовые и гуманистические традиции, могут и обязаны вернуть себе роль основного “мотора” развития международного гуманитарного права. В противном случае, как показал, в частности, опыт “оттавского процесса”, инициатива будет перехвачена МККК и неправительственными организациями стран Запада, которые приложили максимум усилий для дискредитации соглашения государств по пересмотру и обновлению Протокола II (“Минного протокола”) к Конвенции 1980 г. о запрещении или ограничении применения конкретных видов оружия.

В этой связи уместен вопрос о пределах права гуманитарной инициативы и более четком конвенционном закреплении предпосылок и условий его осуществления.²⁰ Дело в том, что МККК, национальные общества Красного Креста, гуманитарные агентства системы ООН и неправительственные организации стран Запада все активнее вторгаются в сферу политики и принимают на себя все больше обязательств политико-гуманитарного плана, зачастую перекладывая на государства ответственность за их выполнение.

Вопрос развития механизмов контроля за осуществлением междуна-

родного гуманитарного права, вероятно, нуждается в особом внимании исследователей. Тем более, что существующие конвенционные институты (державы-покровительницы и Международная комиссия по установлению фактов) практически не используются. Следует отметить, что институт державы-покровительницы (ст. 8 первой, второй и третьей Женевских конвенций и ст. 9 четвертой Конвенции), сверстанный под модель европейского нейтрального государства, рискует без соответствующей модернизации надолго остаться одним из “спящих” институтов МГП. Новейшие попытки активизировать работу Международной комиссии по установлению фактов (ст. 90 Дополнительного протокола 1 к Женевским конвенциям 1949 г.), включая планы оказания добрых услуг участникам колумбийского конфликта, строго говоря, противоречат мандату Комиссии, который ограничен ситуациями международных конфликтов.²¹ К сожалению, новую жизнь в эти институты, вероятно, может вдохнуть реализация противоправной доктрины “гуманитарного вмешательства”, хотя именно она представляет серьезную угрозу целостности и эффективности МГП.²²

Еще одна важная, но до недавнего времени запретная тема касается влияния на авторитет и значимость международного гуманитарного права политической и иной, мягко говоря, малосовместимой с гуманитарным мандатом деятельности МККК.²³ Следует ли в этой связи распространить действие механизмов контроля за осуществлением МГП на Международный Комитет Красного Креста, Международную федерацию обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, другие “беспристрастные гуманитарные организации” (по смыслу Женевских конвенций), претендующие на защиту и специальные полномочия по международному гуманитарному праву.

Поможет ли недавнее исследование “Люди о войне”, преодолеть влечение юристов и политиков к теоретизированию в области МГП? Это весьма важно, поскольку, к сожалению, в ряде случаев международное гуманитарное право — это то, что о нем скажут юристы и политики, а не участники конфликтов.

Наконец, будет ли в ближайшее десятилетие нарушена фактическая монополия Международного Комитета Красного Креста на “законодательную инициативу” в области международного гуманитарного права? Этот вопрос особенно актуален, поскольку в наше время источником международного права зачастую становится не воля, а безволие государств.

Сергей Рогожин

Москва, январь 2000 г.

¹ Наиболее значительным вкладом англо-американской правовой семьи в создание основ современного международного гуманитарного права, вероятно, является разработанный в 1863 г. “Кодекс Либера”.

² Они, в частности, изложены в Законах Ману (гл. XII, 90, 91, 92, 93), Коране (Сура II, 190—194; Сура III, 102-105, 107-110), кодексе чести японских воинов — учении Бусидо.

³ См. *Huber M. Le bon Samaritain. La pensée et l'action de la Croix-Rouge.* Genève, CICR, 1954, p. 329.

⁴ Ф. Ф. Мартенс, обращаясь к вопросу сферы действия права войны, отмечал, что “только по отношению к цивилизованным государствам может быть речь о законах и правилах, которые должны быть соблюдаемы во время международных столкновений. Нельзя ожидать и несправедливо требовать соблюдения каких-либо юридических норм, составляющих право международного принуждения, от народов существенно различной цивилизации и культуры”. (См. Ф. Ф. Мартенс. Современное международное право цивилизованных народов. М., 1996, т. 2, стр. 265).

⁵ В первоначальной и наиболее полной редакции “оговорка Мартенса” содержится в преамбуле к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, принятой в Гааге в 1899 г. Она гласит: “Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания”.

⁶ О практике шельмования (в лучших традициях кальвинизма) сотрудников МККК, оспаривающих официальную точку зрения Комитета, см. “L’antisemitisme du CICR après la guerre est dénoncé par une ex-employée. L’auteur d’un livre sur la politique du Comité international de la Croix-Rouge en Palestine révèle les pressions dont elle a fait l’objet, qui l’ont conduite à démissionner et à s’exiler”, “Le Nouveau Quotidien”, le 25 juillet 1997., а также *Frederic Koller*, “Le CICR lève le sequestre sur un rapport qui dénonçait son échec au Vietnam”, “Le Temps”, le 8 décembre 1998.

⁷ См. The People on War Report. ICRC worldwide consultation on the rules of war, International Committee of The Red Cross, Geneva, October 1999, p. vi.

⁸ Ibid., p. viii-xi.

⁹ Ibid., p. x.

¹⁰ Ibid., p. xii.

¹¹ Ibid., p. xiii.

¹² О последних разработках в этой области китайских военных см. *John Pomfret*. “China Looks Beyond Old Rules”, “The International Herald Tribune”, 9th of August 1999.

¹³ См. The People on War Report. ICRC worldwide consultation on the rules of war, International Committee of The Red Cross, Geneva, October 1999, p. xvii.

¹⁴ Ibid., p. 85.

¹⁵ Ibid., p. 78-86.

¹⁶ См. First Periodical Meeting on International Humanitarian Law, Chairman’s Report, Geneva, 1998., а также Preparatory Document Drafted by the ICRC for the First Periodical Meeting on International Humanitarian Law. Armed Conflicts Linked to the Desintegration of State Structures, Geneva, 19-23 January 1998, p. 89.

¹⁷ Ibid., p. 6.

¹⁸ О подобной практике в Чечне см. Доклад Генерального секретаря ООН “Положение в области прав человека в Чеченской Республике Российской Федерации”, E/CN.4/1996/13 от 26 марта 1996 г., стр. 16, 23.

¹⁹ См. *Корнелио Соммаруга*. “Война и права человека”. Независимое военное обозрение № 33, 1999.

²⁰ В настоящее время право гуманитарной инициативы признается за МККК и “любой другой беспристрастной гуманитарной организацией” статьей 9 I, II и III Женевских конвенций 1949 г. и статье 4 10 IV Конвенции. Аналогичное положение содержит и общая статья 3 Женевских конвенций применительно к конфликтам немеждународного характера. Причем Дополнительный протокол II 1977 г., строго говоря, не предоставляет МККК такого права. В этих условиях

Комитет расширительно толкует положения пункта 2 статьи 18 этого Протокола об оказании помощи гражданскому населению в случае вооруженного конфликта немеждународного характера. Так, применительно к этой ситуации констатируется, что “в частности, имеются в виду действия по оказанию помощи, которые могут предприниматься МККК или любой другой беспристрастной гуманитарной организацией” (см. Commentary to the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949, ICRC, Geneva, 1987, p. 1479, para. 4879).

²¹ См. Outcome of the Celebrations of the Centennial of the First International Peace Conference: Report on the Conclusions. A/54/381, 21 September 1999, p. 17.

²² О последствиях реализации этой доктрины во время войны НАТО против Югославии см. “NATO Crimes in Yugoslavia. Documentary Evidence: 24 March-24 April 1999”. Belgrade, May 1999., а также “NATO Crimes in Yugoslavia. Documentary Evidence: 25 April-10 June 1999”, Volume II, Belgrade, July 1999.

²³ См. The ICRC infiltrated by the Nazis? International Committee of The Red Cross, Geneva, 15 September 1996; Philippe Rodrik, “Dans le dernier “SAS” de Villiers affirme que le CICR à l’aide Kabila”, “Tribune de Genève”, le 16 décembre 1997; “Au moins dix nazis ont fui avec des passeports du CICR . Parmi eux, Josef Mengele, Adolf Eichmann et Klaus Barbie.”, “Tribune de Genève”, le 18 février 1999; Jean-Philippe Ceppi, “Quand les espions suisses infiltraient le CICR”, “Le Temps”, le 21 août 1999; ICRC role during the Irian Jaya hostage crisis (January — May 1996), International Committee of The Red Cross, Geneva 27 August 1999; Mathieu van Berchem, “Le jour ou le CICR neutre et helvétique à failli disparaître”, “Tribune de Genève”, 19—20 juillet 1997.

Статья поступила в редакцию в марте 2000 года

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА — ЗАДАЧА ПЕРВОСТЕПЕННОЙ ВАЖНОСТИ

Пьер Келлер*

Уважаемые г-н Председатель, Ваши Превосходительства, Дамы и Господа,

Выступить от имени Международного Комитета Красного Креста (МККК) перед столь именитым собранием — это большая честь для меня. Как и сто лет назад, МККК с большим интересом примет участие в дискуссии, которая началась в Гааге и теперь продолжится в Санкт-Петербурге. Пропагандируя и отстаивая международное гуманитарное право, МККК рад представившейся возможности более конкретно рассмотреть вопрос имплементации международного права и международного гуманитарного права, в частности.

Прежде всего, я хочу отдать дань благодарности городу Санкт-Петербургу, где была принята Санкт-Петербургская декларация 1868 г.

*Вице-президент Международного Комитета Красного Креста. Выступление на научной конференции в Санкт-Петербурге, посвященной 100-летию Первой Гаагской конференции мира.